

МОЙ ДОМ

В брежневские годы таких домов было построено много. Даже во враждебной западной прессе писали, что по жилищному строительству Советский Союз вышел на одно из первых мест в мире. И внутри все было сделано достаточно хорошо. Вполне комфортабельные квартиры. В постсоветский период такие дома вообще перестали строить. Строят великолепные дома для «новых русских», для банков и частных фирм. Но ничего для «трудя-

щихся» (сейчас это слово произносят с насмешкой и презрением). Сейчас наш дом находится в полуразрушенном состоянии. Хотя квартиры приватизированы, никакого ремонта не делается — слишком дорого. Единственное, что мы осилили, — железные двери в подъездах. Это было продиктовано насущной потребностью хоть как-то защититься от все усиливающейся эпидемии ограбления квартир.

Чтобы попасть в подъезд, надо набрать код и открыть железную дверь. Затем нужно открыть еще одну обычную дверь. В подъезде пахнет мочой. Почтовые ящики поломаны. Стены облуплены и испещрены неприличными рисунками и словами. Лифт часто ломается.

В квартире тоже железная дверь, помимо обычной. Мы получили эту квартиру в брежневские годы. Тогда она показалась нам огромной — целых три комнаты на четверых! Правда, комнатки маленькие — две по восемь квадратных метров, одна — четырнадцать. Но мы были безумно счастливы. У меня с Женой появилась отдельная комната. Одну маленькую комнату мы отдали детям. В большой устроили гостиную. Мы могли регулярно принимать гостей — тогда без этого была немыслима русская жизнь.

Дети подросли. Обзавелись своими семьями. Получили (получили!!) свои квартиры. У нас с Женой появились отдельные «кабинеты».

Вся квартира заполнена книгами. Книги везде, даже в коридоре и в туалете. Это было типично для среднего российского интеллигента советского периода. По общему признанию, русские тратили на книги в процентах к доходу больше денег, чем любые другие народы мира. Книга была для нас божеством. Мы были самым читающим народом в мире. Теперь это исчезло. И качественно изменилось то, что теперь читают, — в основном переводную западную макулатуру. Снизилось качество читателя.

Квартира давно не ремонтировалась. Все вещи старые, обветшалые. Но я ни о чем лучшем не мечтаю. Лишь бы это суметь сохранить. А угроза потери есть. Какая-то фирма хочет купить весь наш район, сломать дома (их называют «брежневскими трущобами») и построить на их месте дорогие коммерческие дома «на европейском уровне». И тогда с нами могут поступить так, как это уже не раз делалось в других районах: выселить куда-нибудь подальше, ободрав нас как липку.

Из окна моей комнаты открывается панорама города. Она

сверкает бесчисленными позолоченными куполами церквей. Когда начиналась советская эпоха, первым делом строили школы, больницы, заводы. Постсоветская эпоха началась с буйства церковников. Десятки миллионов обманутых и отчаявшихся людей устремились в церкви, ища там утешения. А на самом деле устремились в бездну мракобесия, деградации, отказа от какой бы то ни было социальной активности — в бездну рабской покорности. Наряду с церквями, повсюду высятся здания банков и частных фирм самой современной западнообразной архитектуры, — храмы нового божества российского общества и нового его властителя, имя которому Деньги. Советское общество затратило огромные усилия на то, чтобы оградить нас, россиян, от этого идола западного мира. Все пошло прахом. Новый бог потеснил не только идеалы коммунизма, но и реанимируемого Христа.

Я эту панораму ненавижу и к окну стараюсь вообще не подходить. А то появляется сильное искушение покончить с постсоветской мерзостью самым простым и доступным способом — выброситься из окна. И пусть тут творится все что угодно. Пусть тогда идут столетия и тысячелетия. Пусть вымирают одни народы и нарождаются другие. Все равно это чужой и чуждый для меня мир. Моего мира больше нет. И он никогда не возродится вновь. Мертвые не воскресают. Но что-то еще удерживает меня от такого последнего шага в Вечное Ничто. Значит, я еще не испил до дна чашу страдания, положенную мне по праву русского человека.